

И положению в Северном Иране

ТЕГЕРАН, 30 ноября. (ТАСС). Как стало известно нашему корреспонденту, несколько дней тому назад Министерство Иностранных Дел Ирана направило Советскому Посольству ноту по вопросу о положении в Северном Иране. В этой ноте упоминалось о группе руководителей курдских племен, которым приписывалось создание беспорядков в Иранском Курдистане, и отмечалось, что эти лица пользуются поддержкой с советской территории. Говорилось также о препятствиях, чинимых с советской стороны, перевозке продовольствия из северных районов в центр и в южные районы страны. Также безосновательно утверждалось в ноте о трудностях, создаваемых будто бы советскими представителями в деле назначения иранскими властями жандармов и чиновников в северных районах Ирана, при этом была даже сделана попытка возложить ответственность на советских представителей за отсутствие в ряде провинций иранских генерал-губернаторов. В ноте говорилось об отсутствии иранских пограничных постов на ирано-турецкой границе, и это обстоятельство, по мнению, также ставилось в вину советской стороне. Министерство ссылалось также в своей ноте на то, что имеет место вмешательство советских властей в иранское судопроизводство. Однако в ноте по этому поводу не было приведено ни одного факта. В ноте упоминалось об инцидентах в различных городах и селениях северных провинций, как-то в Мияне, Марагинском Остане и т. д., причем эти инциденты приписывались деятелям демократической партии Азербайджана. В заключение ноты делалась попытка возложить ответственность за последствия, в связи с описанными в ноте событиями в Северном Иране, на «советских военных работников», в обоснование своих заявлений Министерство ссылалось на Тройственный договор 1912 г. и ставило вопрос о вводе дополнительных иранских войск и жандармерии в северные провинции Ирана.

В последней ноте Советского Посольства Министерству Иностранных Дел, врученной 26 ноября, даны исчерпывающие ответы на вопросы, затронутые в иранской ноте. В советской ноте говорится, что заявление Иранского Министерства Иностранных Дел о том, что представители, якобы, вмешиваются в действия и распоряжения местных иранских властей, не подкреплено фактами и не соответствует действительности. Равным образом, лишены какого-либо основания указания в ноте по поводу содействия, будто бы оказываемого с советской стороны некоторым курдским племенам и отдельным курдским политическим деятелям. Достоверно известно, что советские представители не требовали освобождения каких-либо лиц, арестованных жандармами в Голикенде, о чем упоминается в ноте. Не имел места и описываемый в ноте случай задержания советскими представителями в Тавризе иранской военной охраны, направлявшейся в здание тюрьмы.

Утверждение о том, что советские органы чинят препятствия передвижению иранских граждан в северные провинции, извращает

положение вещей, так как такого контроля для иранских граждан в действительности не существовало и не существует.

Лишено основания утверждение ноты о вмешательстве советских представителей в экономическую жизнь северных провинций. С другой стороны, в советской ноте упоминается о том, что верное своему союзническому долгу Советское Правительство в трудный для самого Советского Союза период, в мае 1943 г., оказало Ирану помощь в виде ввоза 25 тыс. тонн пшеницы для иранской столицы — Тегерана. Советские торговые организации, заботясь о других своих товарах, способствовали улучшению товарного снабжения иранского населения и в период войны.

В ответе указывается, что Советское Правительство, разумеется, не может нести ответственности за отсутствие генерал-губернаторов, а равно и других иранских чиновников на севере Ирана. Что касается передвижения этих чиновников к месту назначения, то в этом деле советские транспортные организации всегда оказывали содействие иранским властям, и еще несколько дней тому назад Советское Посольство оказало содействие в предоставлении самолета для поездки в Тавриз генерал-губернатора г-на Баята.

В ответе советского посольства подчеркивается, что министерство совершенно необъективно освещает вопрос об охране ирано-турецкой границы. Иранская сторона неоднократно доводила до сведения советской стороны, что установление иранской пограничной охраны на ирано-турецкой границе связано для нее с большими трудностями, и в свое время отказалась взять на себя охрану этой границы, несмотря на настоящие и неоднократные предложения по этому вопросу с советской стороны. При таких обстоятельствах нельзя признать правильность претензии Министерства по поводу отсутствия жандармских пограничных постов на ирано-турецкой границе.

Заявление о том, что советские представители будто бы вмешивались в судопроизводство Ирана и препятствовали законному наказанию виновных иранских граждан, вызывает удивление своей необоснованностью и несоответствием действительному положению. С другой стороны, в ответной ноте посольства отмечается, что иранские местные власти нередко чинили препятствия в обнаружении преступных элементов, а местные судебные органы нередко оправдывали или выносили заведомо мягкие приговоры нарушителям порядка и спокойствия в зоне расположения советских войск, расхитителям советского военного имущества и даже убийцам советских военнослужащих. Несмотря на это, советские военные представители не шли по пути вмешательства в иранское судопроизводство, а отстаивали интересы советских граждан и советских учреждений на основе иранских законов. Разумеется, советские представители не могли не интересоваться ходом следствия суда, осуществляемого иранскими органами над иранцами, совершавшими тяжкие преступления против отдельных со-

ветских представителей и военнослужащих, что, однако, никак нельзя назвать вмешательством в иранское судопроизводство.

Посольство СССР заявило, что информация, которой оно располагает, не подтверждает тех фактов, о которых говорится в иранской ноте по поводу инцидентов в северных провинциях. Во всяком случае, события в северных провинциях Ирана, связанные с деятельностью политических партий, являются, разумеется, внутренним делом Ирана. Советские представители и советские военные власти не вмешивались и не вмешиваются во внутриполитическую жизнь северных провинций. Поэтому Советское Правительство решительно отвергло попытки переложить ответственность за эти события на иранских органов и «советских военных работников», которые не имеют никакого отношения к этим событиям.

Поскольку Министерство в обоснование своих заявлений сочло возможным сослаться на Тройственный договор, посольство заявило, что упомянутый договор 1942 г. неуклонно и строго соблюдается советской стороной. Вместе с тем, посольство констатировало, что упомянутый договор в части, касающейся поддержания внутреннего порядка на иранской территории, не всегда соблюдался иранской стороной. Поведение отдельных представителей воинских и жандармских отрядов далеко не всегда способствовало установлению порядка и спокойствия в тех районах, куда они направлялись, о чем в прошлом году делались соответствующие представления иранскому правительству. В последнее время отдельные представители иранских жандармских властей не только не способствовали обеспечению порядка и спокойствия в Северном Иране, но зачастую своим поведением вызвали инциденты среди местного населения.

Что же касается заявления Министерства о дополнительном вводе иранских войск в северные провинции Ирана, то Советское Посольство в своем ответе по этому вопросу обратило внимание на следующее. Считая необходимым избежать каких-либо нежелательных как для иранского правительства, так и для Советского Правительства осложнений, связанных с вводом новых иранских войск в северные районы Ирана, Советское Правительство находит нецелесообразным осуществление этого мероприятия в настоящее время. Следует учесть, что если в эти районы будут введены новые иранские войска, кроме уже находящихся там регулярных иранских воинских частей и жандармерии, то это вызовет в Северном Иране беспорядки, и может быть кровопролитие, в связи с чем Советское Правительство будет вынуждено ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности советских гарнизонов. Между тем, Советское Правительство считает дополнительный ввод советских войск в Иран нежелательным и в связи с этим находит нецелесообразным в настоящее время ввод дополнительных иранских войск в северные провинции Ирана.

ПРОЦЕСС ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

НЮРНБЕРГ, 30 ноября. (ТАСС). На вечернем заседании Трибунала 30 ноября продолжались допросы свидетеля генерал-майора Лахузен, представителем американского обвинения полковником Эмми.

Лахузен показал, что начальник общего отдела штаба германского верховного командования генерал Рейнике на совещании, в котором участвовал свидетель, заявил о необходимости применения в отношении русских военнопленных самых жестоких мер, включая массовые расстрелы. «Эту мысль, — заявил Рейнике, — надо внедрить в сознание всех офицеров, которые не всегда чувствуют, что они живут в национал-социалистическом государстве». По словам свидетеля, он заявил на этом совещании, по указанию адмирала Канариса, что такие меры приведут к усилению сопротивления красноармейцев, поскольку они узнают о том, что немцы расстреливают советских военнопленных. Мои взгляды, заявил свидетель, были отклонены в самой резкой форме представителем гестапо Мюллером, которого полностью поддержал генерал Рейнике.

Отвечая на вопросы полковника Эмми, свидетель подтверждает, что он имел официальную информацию от своих офицеров, работавших в лагерях для военнопленных по особым заданиям, о массовых казнях советских военнопленных. Об этом также было известно широким офицерским кругам германской армии. Свидетель подтверждает далее, что существовал приказ о клеймении советских военнопленных и что приказы об их уничтожении исходили от штаба германского верховного командования, во главе которого стоял подсудимый Кейтель.

Как показал Лахузен, он со слов полковника авиации Ровеля знает, что уже в 1939 году, еще до возникновения войны, германская авиация производила воздушную фоторазведку Лондона, Ленинграда, Польши, Венгрии и юго-востока Европы. Полковник Эмми путем допроса устанавливает, что свидетель имеет официальный доклад о массовом расстреле евреев в Борисове. Этот документ находился в нестерогаемом ящике, но оборел, однако, имеется фотокопия с него.

Далее председатель предлагает представителям обвинения и представителям защиты подвергнуть свидетеля перекрестному допросу. К трибуне подходит советский главный обвинитель генерал-лейтенант юстиции Руденко, который в ходе допроса свидетеля устанавливает, что германское командование специально обучало части реакционных украинских националистов, которым поручалось осуществлять саботаж, диверсии и провокации в тылу. Руденко устанавливает также, что команды СД (Зихерхайтсдинст — «Служба безопасности») организовывали массовые расстрелы военнопленных — уроженцев Крыма. Свидетель в ответ на вопрос Руденко вновь

подтверждает, что очень широкому кругу германских офицеров было известно о наличии приказов об уничтожении советских военнопленных.

Затем вопросы свидетелю задает защитник Кейтеля, а также защитник Шахта Дикс. На их вопросы свидетель отвечает, что многие члены генштаба также знали о существовании этих приказов. В ответ на вопросы советского судьи Никитченко свидетель подтверждает, что Риббентроп был в курсе указаний штаба верховного командования об уничтожении поляков и евреев.

После краткого перерыва суд переходит к рассмотрению вопроса о вменяемости Гесса. Выступает защитник Гесса, который ссылается на те пункты в заключении медицинской экспертизы, в которых она признает потерю памяти Гессом, вносит три предложения: во-первых, прекратить судебное преследование Гесса ввиду его невменяемости, во-вторых, вести судебное разбирательство дела Гесса в его отсутствие и, в-третьих, если Трибунал все же решит слушать дело Гесса, то созвать новую экспертизу из числа известных психиатров для проверки вменяемости Гесса. Защитник сам возражает против своего второго предложения.

Затем от имени обвинения выступают генерал Руденко, американский главный обвинитель Джексон, английский обвинитель Дэвид. Они доказывают вменяемость Гесса, особенно опираясь на экспертизу советских врачей, и требуют суда над ним. Английский обвинитель подробно процитировал английские законы, согласно которым в таких случаях подсудимый должен подвергнуться судебному преследованию. Французский судья де Фарбр пытается установить, не симулирует ли Гесс потерю памяти. Снова выступают представители защиты, стремящиеся доказать, что Гесс не в состоянии следить за ходом процесса и полностью невменяем.

Обсуждение этого вопроса продолжалось около двух часов в отсутствии всех обвиняемых, кроме Гесса. Затем председатель Трибунала лорд Лоуренс предлагает самому Гессу высказаться по этому вопросу. Гесс зачитывает заявление, в котором говорится, что в начале вечернего заседания он послал своему защитнику записку, в которой заявил о том, что вся эта процедура может быть сокращена, если ему, Гессу, будет разрешено выступить. «Я хочу, — сказал Гесс, — сделать следующую декларацию, хотя первоначально я намеревался сделать это заявление несколько позднее. Моя память вновь в полном порядке. Причины, по которым я симулировал потерю памяти, носили тактический характер. В действительности немного пострадала лишь моя способность сосредоточиться, причем несколько не пострадала моя способность следить за ходом процесса, защищать самого себя, задавать вопросы свидетелям или отвечать на вопросы».

Расхитители государственного добра

Трудно придумать более разнузданную и более открытую систему хищения государственного добра, чем та, которая вскрыта на Курском стеклозаводе. С легкой руки директора Каменецкого ламповое стекло — основной вид продукции, выпущенной заводом в этом году, — растаскивалось направо и налево. К этому приложили руку не только сам директор, но и начальник цеха Колесова, и мастер Орлов, и стекловар Давыдов, и кладовщик Черняева и другие.

Пропуска на клочках бумаги и картона на вынос стекла с территории завода писали буквально десятки людей, часто даже без подписи. Заработная плата, как правило, выдавалась натурой — стеклом. Нужно было уплатить стеклодузу Верховскому подъемные по переезду из Ростова в Курск, — ему выдали 100

ламповых стекол. Чтобы отметить день 8 марта пирушкой, было продано на рынке 100 стекол. Захотелось Колесовой устроить на дому вечеринку — она продала 40 стекол. По существу все ламповое стекло, выпущенное заводом, было расхищено и разворовано.

На выработку стекла без стеснения расходовалось горючее — мазут. Только за неполных три месяца производства — август — октябрь — перерасходовали 280 тонн горючего. Государству нанесен огромный убыток, исчисляемый только на 1 октября в сумме 800 тысяч рублей.

Сейчас прокуратура Ленинского района Курска закончила следствие и вскоре преступники предстанут перед судом.

Отв. редактор М. ПАВЛОВ.

Встреча с репатрированными

ЛГОВ. (Соб. корр.). В Львовском райкоме комсомола собрались юноши и девушки, вернувшиеся из фашистской категории. С большим интересом прослушали они доклад участника войны — заведующего районом тов. Семова «Источник силы и непобедимости Советского Союза». Многие из присутствовавших были до войны учениками Алексея Ивановича.

Он рассказал репатрированным, с какой беззаветной преданностью боролась наша молодежь на фронтах Отечественной войны и в тылу врага за свободу и независимость Родины. Многие впервые услышали о бессмертных подвигах Зои Космодемьянской, Александра

Матросова, капитана Гастелло, героев Краснодона.

После доклада завязалась дружеская беседа. Репатрированный Николай Лупилин рассказал:

— Я сирота. Советская власть меня растила и учила. Когда пришли немцы, то меня, как сироту, первым забрали в Германию. Привезли в Германию и посадили за проволоку. Выдавали поллитра баланды и 200 граммов хлеба в день. А работать приходилось как волам. Попытался убежать — поймали, в тюрьму посадили. Просидел я там два месяца, опять погнали на работу — укладывать шпалы. За то, что я дал кусок

хлеба русскому военнопленному, меня посадили на две недели в карцер.

Николай Лупилин благодарит Красную Армию за освобождение и избавление от верной гибели. По возвращении в Лгвов он поступил работать на Шерекинский пункт Заготзерно. Работает добросовестно.

О своих муках в фашистской неволе, о думах, стремлениях, работе рассказали Евдокия Крыгина из с. Густомой, Иван Дегтярев из Вышних Деревенек и др.

Совещание прошло дружно. На все свои вопросы его участники получили толковые, исчерпывающие ответы.